

Вера
Дмитриевна
ЛЮТИКОВА

«ДРУГОЕ» СЛОВО В ИДИОЛЕКТЕ

В статье рассматриваются вопросы образования новых слов в индивидуальном языке носителя говора с. Кодского Шатровского района Курганской области Петуховой Валентины Михайловны (1920 г. р.). На примере наименований лица, представляющих собой новообразования, показана структура слова, его семантика, особенности употребления в речи, определено место «другого» слова в диалекте.

Создание «других» слов, приемы ввода новых слов в текст свидетельствуют об активном характере языковой личности, дают интересный материал для анализа языкового сознания носителя диалекта.

Словотворчество реализует индивидуальную творческую способность носителя диалекта. Создавая новообразования, носитель диалекта ориентируется не столько на общие правила пользования языком, сколько на реализацию своей способности использовать возможности, заложенные в системе языка. Об этом писал еще Фердинанд де Соссюр: «Всякому новообразованию должно предшествовать бессознательное сравнение материалов, сложенных в сокровищнице языка, где производящие формы расположены согласно своим синтагматическим и ассоциативным отношениям... Ошибочно думать, что процесс словотворчества приурочен к моменту возникновения новообразования, его элементы уже даны раньше. Импровизируемое мною слово... уже существовало в потенции языка: все его элементы встречаются в синтагмах, а его осуществление в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования» [Соссюр 1933: 154].

Диалект, как и разговорная речь, по мнению некоторых лингвистов, располагает большими словотворческими возможностями, нежели кодифицированные формы языка: «Литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в русском языке отдельных человеческих группировок» [Щерба 1957: 126]. О словообразовательных возможностях диалекта Т. С. Коготкова пишет: «Новые слова постоянно появляются в современной диалектной речи» [Коготкова 1979: 232]. В. Хлебников также писал о народном творчестве: «Кто знает русскую деревню, знает о словах, образованных для нас и живущих веком мотылька» [Хлебников 1986: 580]. И далее: «Словотворчество — враг книжного окаменения языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи. Словотворчество не нарушает законов языка. Другой путь словот-

Феномен Другого: опыт лингвистической интерпретации

ворчества — внутреннее склонение слов. Если современный человек населяет обедневшие воды рек тучами рек, то языководство дает право населить новой жизнью, вымершими или несуществующими словами, оскудевшие волны языка. Верим, они снова заиграют жизнью, как в первые дни творения» [Там же: 627].

Для концепции языковой личности имеет методологическое значение положение Б. А. Серебренникова о том, что «всякая инновация требует инициативы, которая не может возникнуть у всех членов данного общества одновременно и быть совершенно одинаковой по своему содержанию, направленности и т. д. Все новое в языке сначала создает индивид, и это новшество в дальнейшем распространяется, принимается или отвергается другими членами общества» [Серебренников 1977: 153]. Описание пути следования принятого новообразования представлено в работах Л. Л. Касаткина: «Распространение идет внутри социальной группы от одних ее членов к другим, от одной социальной группы к другой; так же и в территориальном отношении: от одной деревни к другой, из одной местности в другую. Процесс этот может идти медленно, иногда в течение нескольких столетий, пока новация не охватит всех говорящих на данном языке или диалекте. Основное условие распространения языкового новообразования — тесная связь между людьми» [Касаткин 1999: 24]. А как известно, такая связь имеется в деревенском социуме.

Способность индивида создавать слова естественна: «Совершенно очевидно, что хотя при процессах говорения мы часто просто повторяем нами ранее говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про все наше говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали, от данных слов производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное, и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова, хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [Щерба 1965: 361].

В данном разделе будет показано, как носитель диалекта осмысливает новое слово, которое сохраняет первоначальные словообразовательные отношения. При описании новообразований в речи одного носителя диалекта особое внимание обращается на структуру, характер, отличительные свойства слов, созданных изучаемой языковой личностью, а также на их функционирование в идиолекте.

К новообразованиям мы отнесли слова, созданные носителем диалекта. Для установления характера новообразований нами был проведен опрос одиннадцати человек, носителей говора с. Кодского, которые подтвердили индивидуальный характер описываемых в данном разделе новообразований.

Наши многолетние наблюдения над диалектной речью позволяют говорить о наличии или отсутствии у носителей диалекта способности к словотворчеству. Наш информант обладает такой способностью. Нами зафиксировано более 200 новообразований. Мы их сгруппировали в лексико-семантическом плане с учетом их мотивированности.

Самой многочисленной лексико-семантической группой новообразований являются названия человека:

- 1). Наименование лица по принадлежности к чему-либо или участию в чем-либо.

Сва́дьбовец: Свадьбовсы-те уж приехали.

2). Наименование лица по роду деятельности.

Маркита́нщик («тот, кто маркитанит»; ср. диал. **маркита́нить** «колоть скот»; в говоре в этом случае употребляется лексема **ко́вальщик**): *Маркитанщик-от уж всегда на бутылку-ту заробит.*

Пу́хторщица («женщина, занимающаяся лечением народными средствами»; от диал. **пу́хторить** «лечить народными средствами»): *Отдула его пухторшиса, топеря живёт (ср. диал. **отдуть** «вылечить»).*

Трактори́ночка (ласк. «тракторист»): *Для иё тракториночка чумазой всех дорожке.*

3). Наименование лица по характерному для него действию. Эта подгруппа активно пополняется.

Волновáтель: *Опеть приехал волнователь.*

Заводи́тель: *Всегда он грех в семье заводит. В ково он такой заводитель?*

Пеня́тель: *А чё пенять-то? Пенятель нашолся.*

Кори́тель: *За всё мать корят, корителей выростила.*

Понима́лец: *Ты все понимаешь, понималес выискался.*

Метлеси́льщик («тот, кто мешается», от диал. **метлесить** «мешаться, быть помехой в чем-либо»): *На што его было посылать? Не робит, метлесит толькё, метлесильщик.*

Мерéкушка («тот, кто плохо смыслит, разбирается в чем-либо», от диал. **мерéковать** «смыслить, разбираться в чем-либо»): *Как вот мерекушка мерековал, так вот оно и получилось сикись-накись (диал. **си́кись-на́кись** «криво»).*

Каля́кало и марáло: *Калякало да марало, как-то ишишо учится (разг. **каля́кать** «писать неровно и неправильно», **марать** «пачкать, грязнить»).*

4). Наименование лица, характеризующегося склонностью к действию, названному производящей основой:

Трепу́н: *С трепуном-то все нервы себе изорвёшь (от прост. **трепа́ться** «болтать»).*

Гоéна («женщина, которая любит наводить чистоту»; от диал. **го́ить** «делать чистым»): *У их сноха гоéна, везде всё вызноздит (диал. **вы́зноздить** «тщательно вычистить»).*

Изгоня́льщица («женщина, которая лечит от нечистой силы», от диал. **изго́нять** «лечить от нечистой силы»): *Вот Дуся-та изгоняльшиса, она вот можот выличить от худого духу.*

Лапарту́нья («женщина, любящая сообщать новости, сплетница»; от диал. **лапартовáть** «рапортовать, сообщать»): *Лапартунье чё доверять-то? По секрету всему свету.*

Намя́льщица («массажист»): *Она выучилася, вот натирают, мнут человека-та. Как она мне намяла, эта намяльшиса, до сих пор болит.*

Заеда́к («тот, кто затевает ссору, драку, от диал. **заеда́ться** «задираться, приставать к кому-л., вызывая на ссору, драку»): *Олёшка — заедак, а Димке всегда достаётся. Ю. С. Азарх замечено, что подобные образования на -ак, именующие*

Феномен Другого: опыт лингвистической интерпретации

лицо по склонности к действию, названному производящим глаголом, редки и «не локализованы и, видимо, представляют собой инновацию» [Азарх 2000: 23].

5). Наименование лица, обозначающее временный характер занятия какой-либо деятельностью:

Стригальщица: *Сѣдни стригальшисой была, у Обогреловых овес стригла.*

Третовальщик («рассказчик», от диал. **третовать** — «рассказывать»): *Как он всё времичкѣ молчит? Третовальшик.*

Выпивальщик: *Какой жо Пашка пьяниса? Так, выпивальшик.*

Обмывательница: *Она опосля покойников обмывала. Восподь все прошишат обмывательнисам-то.*

Наименования лица образуются также с помощью суффикса **-тель** от глаголов несовершенного вида, тем самым подчеркивается «временность» или «вневременность» процессуального признака, положенного в основу названия:

Переиматель: *Оне ведь малиньки-те переиматели (от диал. переимать «усваивать, подражая кому-либо»).*

Поднаумитель: *Поднаумитель нашолся и поднаумил девку (от диал. поднаумить «посоветовать»).*

Употребительны «сиюминутные» наименования лиц, образованные от междометий: «**Ахалка** ишишо та, все ахат да ахат». «**Потеяла** («повторяла») всё ну да ну — **нукалка**, не запрягла, а поехала»; от частиц: «**Пускай** идѣт да пускай идѣт. Вот **пускайло** и пусь ишишот».

Название лица может образовываться и с помощью суффикса **-ец** (и его морфов), обозначающего также лицо по признаку временного занятия какой-либо деятельностью:

Подсмехалец: *Подсмехальсы подсмехаются (от диал. подсмехаться «оскорблять, подсмехаясь»).*

Пригонилец: *Каки жо они пригонильсы? Корова их бусти будѣт (от диал. пригонить «пригнать»).*

6). Наименование лица по имущественному положению (по наличию определенного имущества):

Хоромник: *Хоромник не завидуѣт холупнику, холупа и есть холупа, тесно да грязно.*

7). Наименование лица по родственным отношениям:

Взятѣк («зять»; ср. поговорку «**Зять** любит **взять**»): *некогда Нюре лежать-потягаться: **взятѣк** придѣт, а картошка не копана.*

8). Наименование лица по различного рода отношениям между людьми (кроме родственных).

Однгореватель: *Однгореватели мы с им.*

9). Наименование лица по внешним особенностям (свойствам). Мотивировочный признак, обозначающий внешние свойства человека, может быть различный (рост, особенности одежды, особенности телосложения):

Длиннобочница: *Ставай, длиннобочниса пришла.*

Мокроглазка: *Сразу видно, мокроглазка, хитрят ишь как (ср. диал. мокроглазой «о человеке с хитрыми глазами»).*

Растрепушка («о женщине с растрепанными волосами»): Любит он такую растрепушку.

Хохлачуха (неодобр. «о девочке со всклооченными волосами»): Матере овсё дела нетука. Девка бегат хохлачуха, косы не заплетат.

Гологоляшка («женщина с голыми ногами»): Такой мороз, а она — гологоляшка, не стынут, видать, ноги.

Зачупайло («грязнуля», от диал. **зачупай** «грязнуля»): Генко всегда такой зачупайло ходит.

Вырефетунья («женщина, девушка, любящая модно одеваться», от диал. **вырефетиться** «ярко и модно одеться»): Топеря вырефетунья, а вот, погоди, взамуж-от убежит, дак будёт-нет так нарежаться-та?

Обряможник («человек, одетый в ветхую, старую, изношенную одежду», от диал. **обряможной** — «ветхий, старый, изношенный (об одежде)»): У иё робятишки — обреможники. Где на такую ораву напахаться? (диал. экспр. **напахаться** «заготовить на случай надобности или для определённой цели»).

10). Название лица по состоянию здоровья.

Кашлётник: Кашлётник как-от ишино ночевал.

Соплюшник: Соплюшников всех собрала, оне болести разносят.

Золотушница: Юлька золотушнисой была, дак золотуха глаза унесла.

Воспенник (от «оспа»): Воспа пришла, и дедушко заболел воспой, воспенник был.

Желтоглазка: Анна сделалася жолтоглазкой и желтухой померла. Мы все тогды хворали, повалком лежали. Мама уйдёт на роботу, взголовах у каждого чайник с водой стоял. Выжили как-то, а она не.

11). Название лица по качествам (свойствам) различного рода.

Чаще всего при образовании слов данной подгруппы используется мотивировка признаком:

Морговушка («брезгливая женщина»; от диал. **мóрговый** «испытывающий отвращение к грязи»): Иди-ко накорми такую-ту морговушку!

Нерозворотина («нерасторопный, неповоротливый человек»; от диал. **неразворотной** «нерасторопный, неповоротливый»): Она вон кака нерозворотина, где жо она залезёт.

Неоскудимец («некрасивый человек»; от диал. **неоскудímый** «некрасивый»): Отес неоскудимес, и сын-от такой жо страшной.

12). Название лица-носителя предметного признака:

Дётник: Дётник-от нашто тибе? Поди, нежанатой найдётся.

Шелобанщик («тот, кто часто делает шелобаны», от диал. **шелобан** «щелчок по лбу»): Всё время робетишок по лбу ишолкал, шелобанщик сам был.

13). Название лица, характеризующееся высокой степенью признака:

Раздэнежник: А хоть и раздэнежник, не по чё за его взамуж бежать, всё одно на сторону станёт гледеть.

Рассолощик («пьяница», от диал. **солóщий** «имеющий пристрастие к алкоголю»): От доброго мужика нос отвернула, а этот вон какой рассолощик.

Феномен Другого: опыт лингвистической интерпретации

14). Название лиц женского пола.

Наименование характерной черты человека:

Слезница: *Я ведь не ревлива была, а после пожару слезниса стала.*

Угрюмица: *Видать, замужьё-то не сладко, угрюмиса всё ты.*

Итак, осознав противоречия между системой языка и его нормой, носитель диалекта выработал установку на создание «другого» слова. Словотворчество носителя диалекта свидетельствует об его языковом чутье и конструктивном мышлении, а также об умении «схватить» и осознать состав слова. Носитель диалекта предстает перед нами творцом, по-своему познающим мир и демонстрирующим словообразовательные возможности русского языка. При этом лингвистическая техника и мыслительное содержание новообразований имеют ментальную основу, определяемую диалектом. Словообразование составляет существенную потребность речи, поэтому они носят речевой характер, они представляют собой живое свидетельство обращенности речи к внеязыковой действительности, которая и объясняет факультативную номинативность новообразований. Причины создания носителем диалекта новообразований можно объединить в два типа: причины номинативного характера и причины экспрессивного плана, те и другие действуют избирательно. Отношения, существующие в лексико-семантической системе идиолекта, также обусловлены причинами словотворчества. В своей словотворческой деятельности носитель диалекта идет на нарушение правил сочетаемости морфем и делает это свободно и ярко.

Частотность использования новообразований в речевом потоке значительно меньшая по сравнению с частотностью диалектных слов, поэтому восприятие необычности новообразований нейтрализуется диалектным фоном. Употребление новообразований в идиолекте оправдано тем, что они способны с ярчайшей оригинальностью передавать такие тонкие оттенки смысла и экспрессии, которыми не обладают обычные диалектные слова. Но это не значит, что подобные новообразования не могут быть созданы другими носителями диалекта. Представленный материал отражает искания, сомнения, мысли одного человека, но в то же время свидетельствует о жизнеспособности диалекта и **выражает тенденцию диалекта к подвижности.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
2. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
3. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979
4. Серебренников Б. А. (авт.) Номинация и проблемы выбора // Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977.
5. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М., 1933.
6. Хлебников В. Творения. М., 1986.
7. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1965.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.